

УДК 811.161.1

КОНЦЕПТ «ССЫЛЬНЫЕ» В АНГАРСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ*

Евгений С. Смирнов^{a, @, ID}

^a Сибирский федеральный университет, 660041, Россия, г. Красноярск, пр. Свободный, 79

@ ses9215@mail.ru

^{ID} <https://orcid.org/0000-0001-5208-0485>

Поступила в редакцию 03.04.2018. Принята к печати 03.08.2018.

Ключевые слова:

концепт ссыльные, ангарская лингвокультура, устный рассказ, Северное Приангарье.

Аннотация: Статья посвящена анализу структуры и содержания концепта «ссыльные» в ангарской лингвокультуре. В результате применения концептуального анализа были выявлены и рассмотрены понятийный и ценностный слои концепта «ссыльные» в устных рассказах и интервью русских старожилов Северного Приангарья (Кежемский, Богучанский и Мотыгинский районы Красноярского края). Новизна исследования заключается в том, что данный концепт впервые рассматривается на материале устных рассказов и интервью коренных ангарцев о «ссылных». Актуальность данной работы определяется, во-первых, её включенностью в коммуникативно-дискурсивную парадигму современной лингвистики; во-вторых, недостаточной изученностью концептосферы ангарской лингвокультуры; в-третьих, важным социокультурным значением исследования духовной культуры сибиряков-ангарцев, большая часть которой исчезла в связи со строительством Богучанской ГЭС, и затоплением многих поселений Кежемского района Красноярского края. Результаты исследования расширяют эмпирическую базу лингвокультурологии и коммуникативной диалектологии, а также уточняют особенности концепта «ссыльные» в сибирской лингвокультуре. Было установлено, что экспликация ценностного слоя концепта «ссыльные» осуществляется с помощью оценочных наречий и прилагательных. В ценностном слое преобладает положительная нормативная (рационалистическая), интеллектуальная и этическая оценки. Устные рассказы и интервью коренных жителей Северного Приангарья имеют большую значимость для исследования ценностной картины мира сибиряков, что продемонстрировано в данной статье на анализе концепта «ссыльные».

Для цитирования: Смирнов Е. С. Концепт «ссыльные» в ангарской лингвокультуре // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 3. С. 217–222. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-3-217-222>.

Введение

Лингвокультурология, «центром притяжения которой является феномен культуры» [1, с. 122], с середины 90-х гг. XX в. является одной из ведущих научных дисциплин отечественной лингвистики. Одной из главных задач современной лингвокультурологии является изучение лингвокультуры, т. е. овнешнённой, оязыковлённой и закреплённой в знаках языка культуры, которая явлена человеку в тех или иных языковых процессах [2, с. 33]. Как отмечают многие исследователи, основной единицей лингвокультуры является лингвокультурный концепт [3, с. 323–324; 4, с. 75–78; 5, с. 6–8, 11], т. е. «многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная стороны» [6, с. 91].

Задача настоящей статьи – концептуальный анализ концепта «ссыльные» в ангарской лингвокультуре. *Цель* концептуального анализа заключается в исследовании способов языковой экспликации концептов и их структуры с применением лингвистических и различных экстралингвистических данных [7, с. 104].

Источниками данного исследования являются устные рассказы и интервью жителей Северного Приангарья о «ссылных», представленные в «Электронном текстовом корпусе лингвокультуры Северного Приангарья»¹.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, Правительства Красноярского края и Краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности в рамках научного проекта № 17-14-24008.

¹ Электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья. Режим доступа: <http://angara.sfu-kras.ru> (дата обращения: 10.01.2018).

Экстралингвистические факторы, повлиявшие на формирование концепта «ссылные» в ангарской лингвокультуре

Тема сибирской ссылки XX в. неоднократно освещалась историками, которые подробно рассмотрели политический, этнический, социально-культурный аспекты ссылки и выделили её этапы и особенности [8; 9]. С точки зрения лингвистической нарратологии устные рассказы коренных сибиряков о «ссылных» Северного Приангарья рассматривала О. В. Фельде [10]. С лингвокультурологических позиций такие тексты прежде не изучались.

В XX в. в истории Северного Приангарья выделяются четыре волны ссылки.

Первая волна – в конце 20-х гг. в Северное Приангарье прибывают репрессированные, в начале 30-х гг. – раскулаченные. Многие ссылные этого периода были размещены в таких спецпоселениях, как Мунтуль, Потоскуй, Погорюй Богучанского района. В середине 30-х гг. в районы Северного Приангарья начинают прибывать те, кто попал под 58-ю статью Уголовного кодекса РСФСР, которая устанавливала ответственность за «контрреволюционную деятельность». Также в первую волну ссылок попали группы людей из Прибалтики, Западной Украины и Белоруссии в связи с присоединением в 1940 г. этих территорий к СССР.

Вторая волна ссылки совпала с началом Великой Отечественной войны, когда в Сибирь были высланы калмыки и русские немцы из Поволжья, Ленинграда и его окрестностей. Ссылка была осуществлена в связи с опасностью создания «пятой колонны» внутри страны. Большинство ссылных разместили в деревнях Кежемского района: Климино, Заледеево, Усольцево, Дворец, Заимка, Паново, Кежда, Чадобец и др. [11].

Третья волна связана со ссылкой на берега Ангары в 1948 г. литовцев, латышей, эстонцев, поляков и др. Многих разместили в посёлках Каулец и Артюгино Богучанского района, а также в поселениях Мотыгинского района, который до 1956 г. именовался Удережским.

В четвёртую волну ссылки попали репрессированные конца 40-х – начала 50-х гг. XX в. Как правило, это были люди, которые отбыли срок заключения в лагерях Норильска, Колымы и других мест и получили срок высылки [12; 13]. В некоторых деревнях Северного Приангарья проживали только ссылные (например в деревне Мунтуль Богучанского района), а в других они составляли половину населения. Именно поэтому в воспоминаниях коренных ангарцев тема ссылных занимает значительное место.

Анализ понятийного слоя концепта «ссылные»

Именем концепта «ссылные» в ангарской лингвокультуре является лексема *ссылный*. В «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова слово *ссылный* представлено в значении «человек, находящийся в ссылке» [14].

В понятийном слое концепта «ссылные» можно выделить несколько концептуальных признаков:

1) сосланные по политическим мотивам (*ссылные*): *Девчонки жанихов искали, я помню, вот... была какая-то 58 статья здесь. Вот за них выходили. Ну, а как. У нас вот Мотя здесь соседка вышла, он очень был хороший. Галька была. Она тоже, это... как его... Как его звали... тоже вышла, тоже хороший был мужик! <...>. Ну, не все же были какие-то там воры или бандиты!* (Бг.: Иркинеево, 2014)²;

2) сосланные по экономическим мотивам (*спецпоселенцы, спецпереселенцы, раскулаченные*):

[Почему сослали ваших родных? – Собиратель (Собир.).]

Информант (Инф.): *Раскулачивали, что имели скот, лошадей. У них было, значит, на три семьи уже была молотилка. Хлеб молотили. Не вручную, как раньше, а вот уже, уже молотилка была. И уже были, тогда типа комбайна – лобогрейки или жатки, как сказать. Хлеб жали уже современнее. Вот за это, за то, что они имели это* (Бг.: Богучаны, 2017); *Но их, говорят, сослали, что он богат, но он и там разбогател. Если человек работающий... А у них, тут они... Ой, тогда же зверя было много. Зверья и всякой шкуры, всего. Он и скотину, он и всё делал – он и тут разбогател. И, говорят, и в Кежек его даже опять кулачили, как называли, забирала. А за что? Он ведь не браконьер никакой, ничего не было. Просто трудолюбивый человек* (Бг.: Таёжный, 2017);

3) сосланные по национальному признаку (*немцы, литовцы, латыши, эстонцы и др.*): *В сорок втором году тоже пригнали откуда-то с Поволжья немцев-то. Расселяли везде. Там семью, там семью, вот и понааствалися* (Кеж.: Кодинск, 2012); *Ну, это в период войны всех их прислали. До этого-то их не было. В войну их тут полно было: и немцев, и латышей, и литовцев, эстонцев* (Кеж.: Чадобец, 2012).

Анализ ценностного слоя концепта «ссылные»

В собранных устных рассказах и интервью о «ссылных» не представлена экспликация образного слоя анализируемого концепта, но ярко выражен ценностный слой. В ценностном слое концепта «ссылные» преобладает положительная оценка, которая выражена **оценочными прилагательными**: *Я знаю одного ссылного. Москвича – Михал Михалыч Бейкутов, по-моему. Чё-то так*

² Здесь и далее по тексту использованы сокращения (см. в конце статьи).

вот, я уж точно забыл... Бейкутов Михаил Михайлович. **Хороший** был. Ему посылки или, конфеты с Москвы. Он нас... Трое ребят было, подростки, ходили всё к нему. То за ягодами с ним ходили, шиповник обдирать-то листья – он варенье варил (Бг.: Пинчуга, 2017); Литовцев много было. У нас вот главный врач литовец был – Буткус. **Очень порядочный человек, очень грамотный.** Я благодарна ему. Я работала сразу после института по специальности гинекологом <...>. Он мне во всём помогал. Ну, и я ему ассистировала тоже (Бг.: Богучаны, 2017); Были и тут, и везде ссыльные тогда. А ребята все такие **хорошие**. Такие **крепкие** были ребята, **работающие** (Бг.: Богучаны, 2017);

[Много было сосланных в Богучанском районе? – Собир.]

Инф. 1: Полно, полно. Вот с Алтая, так, сколько я помню: Ждановы с Алтая были, Бессоновы. Нет, Бессоновы не с Алтая. Ну, в общем, семей пять, наверно. Щас уже никого в живых-то ведь нету;

[За что их сослали? – Собир.]

Инф. 1: Да вот кто знал за что?;

Инф. 2: За то, что работали, трудились. Значит, жили достаточно. Народ был весь **трудолюбивый** (Бг.: Богучаны, 2017); Да, ссыльных-то тут всяких хватало, конечно <...>. Надо сказать, их уважали почему, потому што люди были **очень грамотные**, и я вот так бы сказала, што они многое внесли в культуру, очень многое (Бг.: Богучаны, 2017); А вот эта сестра у меня, собака её кусала. Три, три года ей было. Она ей вырвала вот так всю щёку! Здесь вот токо оставалось на вот этом месте маленька, там пять-шесть миллиметров, наэно, а тогда ссыльные были, в Артюгино был тоже **хороший** хирург, ссыльные были. Ну, отец сразу на лошадь туда увёз, и зашили (Бг.: Манзя, 2017); У нас здесь было много ссыльных, вот по какой-то статье, у нас здесь много было литовцев. Латыши, хирург, главный хирург в больнице – ссыльный литовец. У меня подружка была Кривжди Тиромутя. Кривжди Тиромутя – ссыльная. Щас она в Литве живёт. Вот. Дак они **работающие**, они работали! (Бг.: Богучаны, 2017); Здесь сразу было много ссыльных. Вот у нас котора больница там стоит – это всё ссыльные строили. Ссыльные строили. У нас даже хирург работал тут **хороший**. В общем, **хорошие** были, **грамотные** люди, **образованные** (Мг.: Раздолинск, 2017).

Анализ устных рассказов и интервью показал, что положительная оценка ссыльных эксплицируется такими оценочными прилагательными, как **хороший, грамотный, работающий, порядочный, крепкий, трудолюбивый, образованный**.

В современной лингвистике принято выделять два основных типа оценочных значений: общеоценочные и частнооценочные. К общеоценочным значениям в проанализированных текстах относится лексема **хороший**. Частнооценочные значения пред-

ставлены этической оценкой (**порядочный**), интеллектуальной оценкой (**образованный, грамотный**), нормативной оценкой (**трудолюбивый, работающий, крепкий**). Наличие этических, интеллектуальных и нормативных оценок обусловлено особенностями традиционной крестьянской культуры, её ценностными доминантами. Ссылные соответствовали представлениям местных жителей о человеке-труженике, о роли грамотности в жизни людей.

В материалах «Электронного текстового корпуса лингвокультуры Северного Приангарья» нами обнаружены контексты, в которых оценивается соблюдение норм общественного поведения, говорится об отношениях между местным населением и ссыльными. Характер взаимодействия «своих» и «чужих» эксплицируется с помощью **оценочных наречий с положительной коннотацией**: *В то время не богато же жили люди-то. Все равны жили. Дружнее жили* (Бг.: Пинчуга, 2017); *У нас даже папа мой начальником ОРСа работал. Литовка там работала у него уборщицей. Он ей дал там комнатку в конторе, она там у них убиралась. Две ученицы литовки, они... покупали картошку, к нам в подполье спускали и потом приходили, брали. Были дружно все, не различали* (Бг.: Богучаны, 2017); *Я не помню, чтобы ссыльных было, а мама рассказывала, что были. А я не помню. Ну, немцев ссылали сюда.*

[Местное население помогало ссыльным? – Собир.]

Инф. Да. Все **дружно**. Раньше никто ничё. Не скандалили, ничё (Бг.: Пинчуга, 2017).

В приведённых примерах наречие **дружно** выражает нормативную оценку и характеризует не только ссыльных, но и самих ангарцев.

В устных рассказах и интервью жителей Северного Приангарья о «ссыльных» встречается и отрицательная оценка взаимоотношений коренных ангарцев и ссыльных. Главным образом это относится к немцам-спецпереселенцам в годы Великой Отечественной войны:

[Ссылные немцы, литовцы были в Богучанском районе? – Собир.]

Инф. Были. Они щас ещё есть.

[Как к ним относились? – Собир.]

Инф. Да сразу-то как-то... Немцы, немцы, ну, с **пренебрежением** как-то (Бг.: Пинчуга, 2017); Ссыльных было много. Да, во время войны их сюда, когда война, сюда поволжские немцы были. Вот, их тут много было ссыльных. Тогда Сталин, ну, распорядился, вот.

[Как местное население общалось с немцами? – Собир.]

Инф. Ну, я в принципе не знаю. Я же был, кого – вот, пацаном. Ну, относились, как говорится, **настороженно**. Ну, местные старожилы, ну, вот немцев сослали, немцев. А потом вот ничё, привыкли (Бг.: Богучаны, 2017).

Наречия *пренебрежительно* и *настороженно*, выражающие отрицательную оценку, относятся к группе психологических оценок. Редко встречающаяся отрицательная оценка в устных рассказах о «ссылных» связана с одной из самых древних лингвокультурных дихотомий: «свои / чужие», которая, как пишет академик Ю. С. Степанов, «уходит корнями в глубокие принципы организации дочеловеческого, животного мира» [15, с. 132]. Действие этой дихотомии пронизывает картины мира всех этносов и социальных групп, являясь одним из главных ориентиров в общении между людьми разных национальностей, культур, религиозных убеждений и пр.

Помимо положительной и отрицательной оценок в устных рассказах и интервью о «ссылных» можно выделить и зону нейтральной оценки: *Немцев же вот этих, сюда же привезли. У нас же немцы, правильно, ссылные были. Наверно, поди, нормально к ним относились* (Бг.: Пинчуга, 2017); *У меня вот жена немка. Ну, она в Богучанах, они... Их тоже сослали и сразу где-то в Черногорке были, немцы. Ну, а потом вот в Богучанах. В Ярках жили сначала, а потом в Богучанах они. Литовцы были, вот дядя Гоша Эрнст. Были, были.*

[Как с такими взаимодействовало местное население? – Собир.].

Инф. *Да как, нормально. Ну, также, также жились, также всё это...* (Бг.: Пинчуга, 2017).

Е. М. Вольф считает, что нейтральная оценка на шкале между «хорошо» и «плохо» ближе всего располагается к полюсу «плохо» [16, с. 50–51]. В устных рассказах и интервью о «ссылных» нейтральная оценка относится к полюсу «хорошо», т. к. большинство коренных ангарцев сопереживало ссылным, помогая им в обустройстве на новом месте.

Заключение

Таким образом, результаты анализа концепта «ссылные» позволяют сделать вывод, что данный концепт является одним из ключевых в концепто-

сфере ангарской лингвокультуры. На формирование данного лингвоментального феномена большое влияние оказали экстралингвистические факторы, а именно история сибирской ссылки XX в., когда в результате репрессий 1930–1940-х гг., Великой Отечественной войны, создания спецпоселений на территории Сибири в Северное Приангарье принудительно попали десятки тысяч человек. В ходе концептуального анализа было установлено, что именем концепта «ссылные» является лексема *ссылный*; в понятийном слое содержатся три концептуальных признака: сосланные по политическим мотивам (ссылные), сосланные по экономическим мотивам (спецпоселенцы, спецпереселенцы, раскулаченные) и сосланные по национальному признаку (немцы, литовцы и др.). Удалось выявить, что экспликация ценностного слоя концепта «ссылные» осуществляется с помощью оценочных прилагательных и наречий. В ценностном слое преобладает положительная этическая, интеллектуальная и нормативная (рационалистическая) оценки.

Сокращения:

Бг.: Богучаны, 2017 – Богучанский район: пгт. Богучаны, 2017.

Бг.: Иркинеево, 2014 – Богучанский район: д. Иркинеево, 2014.

Бг.: Манзя, 2017 – Богучанский район: п. Манзя, 2017.

Бг.: Пинчуга, 2017 – Богучанский район: п. Пинчуга, 2017.

Бг.: Таёжный, 2017 – Богучанский район: п. Таёжный, 2017.

Кеж.: Кодинск, 2012 – Кежемский район: г. Кодинск, 2012.

Кеж.: Чадобец, 2012 – Кежемский район: д. Чадобец, 2012.

Мт.: Раздолинск, 2017 – Мотыгинский район: пгт. Раздолинск, 2017.

Литература

1. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
2. Красных В. В. К вопросу о постулатах лингвокультурологии // Живодействующая связь языка и культуры: материалы конференции, посвящённой юбилею проф. В. Н. Телии. Т. 1. Язык. Ментальность. Культура. Тула: Изд-во ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2010. С. 33–35.
3. Бутенко Е. Ю. Базовые единицы лингвокультурологии // Вестник Ростовского государственного экономического университета. 2008. № 2. С. 321–328.
4. Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / под ред. И. А. Стернина. Воронеж: ВГУ, 2001. С. 75–80.
5. Воркачев С. Г., Кузнецова Л. Э., Кусов Г. В., Полинченко Д. Ю., Хизова М. А. Лингвокультурный концепт: типология и области бытования. Волгоград: ВолГУ, 2007. 400 с.
6. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
7. Пименова М. В. Методология концептуальных исследований // Вестник Кемеровского государственного университета. 2002. № 4. С. 100–105.

8. Зберовская Е. Л. Спецпоселенцы в Сибири (1940–1950-е гг.). Красноярск: Изд-во Красноярского гос. аграрного ун-та, 2010. 180 с.
9. Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР: 1930–1960: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2005. 415 с.
10. Фельде О. В. Другие среди своих (на материале устных рассказов коренных жителей Северного Приангарья о ссыльных сталинской эпохи) // *Духовность и ментальность: экология языка и культуры на рубеже XX–XXI веков: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвящённой педагогической и научной деятельности проф. Галины Васильевны Звёздовой и приуроченной к её юбилею.* Липецк, 2017. С. 115–123.
11. Занданова Л. В., Метлин С. А. Спецпереселение немцев Поволжья и Ленинграда в Приангарье: депортационная политика, переселенческие и адаптационные процессы (1941–1945 гг.) // *Сибирь и ссылка.* 30.12.2010. Режим доступа: http://penpolit.ru/papers/detail2.php?ELEMENT_ID=1033 (дата обращения: 20.01.2018).
12. Шилько Г. Малая Родина. Очерки по истории Богучанского района. Богучаны: типография газеты «Ангарская правда», 2000. 67 с.
13. Зуев А. С., Красильников С. А. Ссылка в Сибирь в XVII – в первой половине XX в. // *Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т.* Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2009. Режим доступа: http://irkipedia.ru/content/ssylka_v_sibir_v_xvii_pervoy_pолоvine_xx_v_istoricheskaya_enciklopediya_sibiri_2009 (дата обращения: 20.01.2018).
14. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 1998. Режим доступа: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения: 20.01.2018).
15. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. 3-е изд., испр. и доп. М.: Академический Проект, 2004. 992 с.
16. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Едиториал УРСС, 2002. 280 с.

THE CONCEPT OF THE EXILED IN THE ANGARA LINGUOCULTURE*

Evgenii S. Smirnov^{a, @, ID}

^a Siberian Federal University, 79, Svobodny Ave, Krasnoyarsk, Russia, 660041

@ ses9215@mail.ru

^{ID} <https://orcid.org/0000-0001-5208-0485>

Received 03.04.2018. Accepted 03.08.2018.

Keywords: concept
exiled, Angara
linguoculture, oral story,
North Angara river basin.

Abstract: The article features the structure and content of the concept "the exiled" in the Angara linguoculture. Using conceptual analysis method, the author identified and examined conceptual and value layers of the concept "the exiled" in the oral stories and interviews with the residents of the North Angara river basin (Kezhemsky, Bogychansky and Motyginsky districts of Krasnoyarsk region). The originality of the study is in the fact that it is the first time the concept in question has been investigated on the basis of the Angara basin residents' oral stories and interviews. The study was conducted in the frames of the communicative-discursive paradigm of the modern linguistics. Its topicality is based on the fact that the conceptsphere of the Angara linguoculture remains largely understudied. Moreover, researches of the moral culture of the Angara basin residents have important sociocultural value since the population was mostly resettled after the construction of the Bogychany hydroelectric power station and flooding of villages in Kezhemsky district of Krasnoyarsk region. The research findings broaden the empirical basis of linguoculturology and communicative dialectology and clarify the peculiarities of the concept "the exiled" in the regional Siberian linguoculture. The author established that the explication of the value layer of the concept «the exiled» was verbalized via evaluative adverbs and adjectives. Positive normative (rationalistic),

* The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research, Government of Krasnoyarsk Territory, Krasnoyarsk Region Science and Technology Support Fund to the research project No. 17-14-24008.

intellectual and ethical evaluations prevail in the value layer. Oral stories and interviews of the residents of the North Angara river basin have great importance for the study of the value worldview of Siberians.

For citation: Smirnov E. S. Kontsept "ssyl'nye" v angarskoi lingvokul'ture [The Concept of the Exiled in the Angara Linguoculture]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2018): 217–222. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-3-217-222>.

References

1. Teliia V. N. *Russkaia frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. Moscow: Shkola «Iazyki russkoi kul'tury», 1996, 288.
2. Krasnykh V. V. K voprosu o postulatakh lingvokul'turologii [The matter of the postulates of linguoculturology]. *Zhivodeistvuiushchaia sviaz' iazyka i kul'tury: materialy konferentsii, posviashchennoi iubileiu prof. V. N. Telii. T. 1. Iazyk. Mental'nost'. Kul'tura* [Live link between language and culture: materials of the conference dedicated to the jubilee of prof. V. N. Telia]. Tula: Izd-vo TGPU im. L. N. Tolstogo, 2010, 33–35.
3. Butenko E. Iu. Bazovye edinitsey lingvokul'turologii [Basic units of linguoculturology]. *Vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta = Vestnik of Rostov state university of economics*, no. 2 (2008): 321–328.
4. Karasik V. I., Slyshkin G. G. Lingvokul'turnyi kontsept kak edinitsa issledovaniia [Linguocultural concept as a unit of research]. *Metodologicheskie problemy kognitivnoik lingvistiki* [Methodological problems of cognitive linguistics]. Ed. Sternin I. A. Voronezh: VGU, 2001, 75–80.
5. Vorkachev S. G., Kuznetsova L. E., Kusov G. V., Polinichenko D. Iu., Khizova M. A. *Lingvokul'turnyi kontsept: tipologiya i oblasti bytovaniia* [Linguocultural concept: typology and domains of existence]. Volgograd: VolGU, 2007, 400.
6. Karasik V. I. *Iazykovoii krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Volgograd: Peremena, 2002, 477.
7. Pimenova M. V. Metodologiya kontseptual'nykh issledovaniy [Methodology of conceptual research]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 4 (2002): 100–105.
8. Zberovskaia E. L. *Spetsposelentsy v Sibiri (1940–1950-e gg.)* [Special settlers in Siberia (1940–1950s.)]. Krasnoarsk: Izd-vo Krasnoarskogo gos. agrarnogo un-ta, 2010, 180.
9. Zemskov V. N. *Spetsposelentsy v SSSR: 1930–1960*. Diss. doktora ist. nauk [Special settlers in the USSR: 1930–1960. Dr. Hist. Sci. Diss.]. Moscow, 2005, 415.
10. Felde O. V. Drugie sredi svoikh (na materiale ustnykh rasskazov korennykh zhitel'ei Severnogo Priangar'ia o ssyl'nykh stalinskoi epokhi) [Others among ours (on the material of oral stories of the indigenous inhabitants of the Northern Angara region about the exiled of the Stalin era)]. *Dukhovnost' i mental'nost': ekologiya iazyka i kul'tury na rubezhe XX–XXI vekov: sbornik statei po materialam Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posviashchennoi pedagogicheskoi i nauchnoi deiatel'nosti prof. Galiny Vasil'evny Zvezdovoi i priurochennoi k ee iubileiu* [Spirituality and mentality: the ecology of language and culture at the turn of the XX and XXI centuries: Proc. Intern. Sc.-Prac.Conf. on the pedagogical and scientific activities of the professor Galina Vasilyevna Zvezdova and timed to her anniversary]. Lipetsk, 2017, 115–123.
11. Zandanova L. V., Metlin S. A. Spetspereselenie nemtsev Povolzh'ia i Leningrada v Priangar'e: deportatsionnaia politika, pereselencheskie i adaptatsionnye protsessy (1941–1945 gg.) [Special resettlement of the Germans in the Volga and Leningrad in the Angara region: deportation policy, resettlement and adaptation processes (1941–1945)]. *Sibir' i ssylka* [Siberia and the Exile]. 30.12.2010. Available at: http://penpolit.ru/papers/detail2.php?ELEMENT_ID=1033 (accessed 20.01.2018).
12. Shil'ko G. *Malaia Rodina. Ocherki po istorii Boguchanskogo raiona* [Patria Chica. Essays on the history of the Boguchansky district]. Boguchany: tipografiia gazety "Angarskaia pravda", 2000, 67.
13. Zuev A. S., Krasil'nikov S. A. Ssylka v Sibir' v XVII – v pervoi polovine XX v. [Reference in Siberia in the XVII – in the first half of the XX century]. *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri* [Historical encyclopedia of Siberia]. Novosibirsk: Istoricheskoe nasledie Sibiri, 2009. Available at: http://irkipedia.ru/content/ssylka_v_sibir_v_xvii_pervoy_polovine_xx_v_istoricheskaya_entsiklopediya_sibiri_2009 (accessed 20.01.2018).
14. Kuznetsov S. A. *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [Great dictionary of the Russian language]. Saint-Petersburg: Norint, 1998. Available at: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/> (accessed 20.01.2018).
15. Stepanov Iu. S. *Konstanty: Slovar' russkoi kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian Culture]. 3rd ed. Moscow: Akademicheskii Proekt, 2004, 992.
16. Vol'f E. M. *Funktional'naya semantika otsenki* [Functional semantics of evaluation]. Moscow: Editorial URSS, 2002, 280.